

О коиъ я судить ни мало не привыкъ
 По правилу: держи на привязи языкъ;
 Взялъ дюжину платковъ, матерій для жилетовъ
 И, осмотрѣвъ мильонъ шнуровокъ и корсетовъ,
 Заказанныхъ у ней почетнымъ щегольствомъ,
 Хотѣль благодарить за ласки кошелькомъ, —
 Какъ вдругъ преддверіе блистательнаго храма
 Звенить и хлопаеть... Вуаль отброся, дама
 Съ дѣвицей въ локонахъ вступаетъ въ магазейнъ,
 И милости прошу: баронша *Крепсентейнъ!*
 Взошла — и началась ужасная тревога:
 «Bonjour, ma chère! Ба, ба, скажите, ради Бога,
 Ужели это вы, почтенный нашъ Сократъ?»
 Онѣ, какъ стоворясь, вдругъ обѣ мнѣ пищать:
 «Ахъ, Боже мой! вотъ смѣхъ, вотъ чудеса, вотъ странно!
 Серьезный господинъ, который безпрестанно
 Поносить женскій полъ и моды, и весь свѣтъ,
 Заѣхалъ къ mademoiselle купить себѣ лорнетъ,
 Колечко, медальонъ иль что-нибудь такое.
 И что же? На софѣ посиживаютъ двое,
 Какъ будто о дѣлахъ приличный разговоръ
 Ведутъ наединѣ!» Такой нелѣпый вздоръ,
 Безстыдство матери и дочери въ огласку,
 Невольно бросили меня сначала въ краску;
 И я уже хотѣль почтенной *Крепсентейнъ*
 Сказать и пояснить, что если магазейнъ
 Француженки Тру-тру слыветъ Пале-Роялемъ,
 То ей, окутанной огромнѣйшимъ вуалемъ,
 Едва-ль не совѣстно съ дѣвицей пріѣзжать
 Въ такой свободный домъ товары покупать.
 Но быстро все мои тяжелыя заботы
 Пресѣкли новые парижскіе капоты.
 «Ахъ прелесть! что за цвѣтъ! прекраснѣйшій фасонъ!
 А эти складочки, а этотъ кашшонъ!..
 Ахъ маменька! скорѣй, немедленно обновы».
 — Изволь, мой другъ, изволь! — отвѣтъ всегда готовый
 Былъ дочкѣ радостной. Баронша въ кошелекъ,
 А кошелекъ, какъ пухъ, и тонокъ, и лежокъ.
 «Смотрите, да онъ пустъ!» баронша закричала,
 «Ахъ, мой Создатель! какъ забывчива я стала!
 Безъ денегъ выѣзжать! А все заторопясь...
 Mais à propos — ко мнѣ съ улыбкой обратясь,
 Сказала дружески — я видѣла при входѣ,